

Николай Александрович Морозов

В мировом пространстве

В мировом пространстве1)

Что это было? Сон или действительность? Где я был? На свободе или в заключении? Этого я не мог определить.

Но только все происходящее казалось мне так живо, так ярко, что в его действительности, по-видимому, трудно было сомневаться. Однако оно было так странно, так необычно, что совсем не походило на проявления реальной земной жизни.

Вот почему во время нашего удивительного путешествия мне часто приходило в голову: не сплю ли я? Ведь сны в долголетнем одиночном заключении заменяют собою действительность и потому бывают так поразительно яркие. Я вспоминал, как очнувшись от такого сна к нашему тусклому прозябанию, я не раз спрашивал себя:

— Чем могу я отличить то, что вижу теперь, от того, что было сейчас перед этим? Может быть, все это наше бесконечное заключение только один мой тяжелый сон?

Я так, привык к мысли, что все яркое в моей жизни сны или грезы, что каждый раз, когда со мной случалось что-нибудь выходящее из рамок казенного распределения наших дней, похожих друг на друга, как листы ничем неисписанной тетради. Сомнения в действительности происходящего сейчас же зарождались у меня в голове.

Так было и в этом случае, хотя за реальность нашего путешествия было слишком много данных. Все мои друзья, по многолетнему и, казалось, уже минувшему заключению, были здесь со мной, в каюте летучего корабля, высоко, высоко над поверхностью земли.

Две изящные головки, одна темно-русая и другая светло-русая (и это были, несомненно, Вера Ф. и Людмила В.), смотрели из окна каюты на удаляющуюся, как бы падающую вниз Землю, поверхность которой, направо — к западу — была кое-где покрыта редкими кучевыми облаками, а налево — к востоку — вся заслонена снежно-белым покровом сплошных туч, ярко озаренных косыми лучами солнца.

— Прощай, Земля! — сказала Людмила, а Вера не сказала ничего и лишь молча смотрела вниз. Из остальных товарищей здесь были на этот раз только Поливанов и Янович. Другие остались там, внизу, и где они были — я уже не мог теперь рассмотреть на этой высоте.

С невообразимой скоростью мы взлетали все выше и выше, под влиянием могучих цилиндров нашего летучего корабля, прогонявших сквозь себя мировой эфир, и заставлявших этим, как турбинами, мчаться наш корабль вдаль от земли ускорительным движением...

Через несколько часов мы уже вышли за пределы доступного для наших чувств земного притяжения и для нас более не было ни верху, ни низу. Мы почти совсем потеряли свою тяжесть и могли теперь плавать в воздухе своей кают-компаниии, как рыбы плавают в воде. Стоило нам сделать несколько движений руками и мы переплывали на другую сторону каюты.

Сильное движение воздуха, взволнованного нашими попытками перебраться с одного

места на другое (так как иного способа передвижения уже не оставалось после потери нами тяжести), медленно относило в угол Поливанова. Но он всё таки старался на лету срисовать всю эту странную сцену вместе с перспективой бледно-зеленоватого серпа далеко умчавшейся земли, сиявшей на фоне созвездий Ориона и Близнецов и чудно блестящей в одном из больших и прочных хрустальных окон, несмотря на яркий солнечный свет, врывающейся косыми полосами в противоположное окно корабля.

Свет этот не мешал созвездиям повсюду гореть вокруг нас, потому что он не отражался более в голубоватой дымке земной атмосферы. Небо было черно, как в глубокую ночь и всё горело миллионами своих вечных огней. Янович отбросил свои отметки в корабельном лагбухе, листы которого никак не ложились один на другой, а становились торчком, каждый лист отдельно от остальных, так как ничто уже не пригибало их к столу. Молча плывя в воздухе, он смотрел со своей доброй и ласковой улыбкой на всю эту яркую, странную и удивительную картину. По временам

он с тревогой вглядывался вперед, но сейчас же успокаивался. Все области так называемых метеоритных дождей лежали далеко от нашего пути...

— Опасности быть не может! — говорил Янович — Ведь мы нарочно выбрали такое время года, когда Земля пролетает чрез пространства, совсем почти свободные от метеоритов. Столкнуться с ними несравненно менее вероятно, чем, например, потерпеть крушение на железной дороге.

Я отплыл по воздуху от своего наблюдательного пункта и невольно любовался на окружающий меня воздушный аквариум, где плавали мы все.

Вот Вера взяла пливший мимо нее стакан воды, чтобы напиться, но неосторожным движением руки нечаянно отдернула его от наполнявшей его жидкости. Оставшись в воздухе, вода сейчас же приняла шарообразную форму и поплыла среди нас подобно мыльному пузырю.

— Идите пить воду! Кто первый поймает ее ртом, звала нас Людмила.

Все зашумели и, махая руками, как весла-

ми, поплыли в воздухе, стараясь перегнать друг друга.

Движение взволнованной среды относило водяной шар в сторону. Мы все смеялись над уморительными положениями, которые приходилось принимать каждому из нас при этой ловле. Мы отчаянно барахтались руками, стараясь сильнее загребать воздух, но это плохо помогало. И нас, и водяной шар относило то к потолку, то к окнам. Мы делали руками сильный толчок в ту сторону, до которой могли достать, и проплывали в воздухе по инерции через всю каюту, пока не стукались в противоположную сторону. Наконец, Людмила схватила лист картона и, пользуясь им, удачно подогнала к себе воду и уже совсем поймала ее ртом, но тут же от неосторожного толчка вода разделилась на несколько маленьких шариков, тихо поплывших в разные стороны...

А время все шло. Корабль наш быстро приближался к поверхности Луны. С каждой минутой сильнее разрастался ее бледный диск, на три четверти освещенный солнцем и погруженный своею третью четвертью в глубо-

кую ночь. Скоро пришлось нам дать задний ход машинам, чтобы противодействовать постепенно увеличивавшейся силе нашего тяготения к луне. Мы уже не летали более в воздухе каюты, но медленно падали на ее бывший потолок, теперешний пол нашего помещения. Пришлось перевернуть весь корабль кормой к луне.

Несмотря на свои обычные сведения по космографии, вынесенные из гимназии, Людмила сильно удивлялась, смотря вверх на нашу отдаленную родину, каким образом люди не падают с нее на Луну. Ведь падаем же на нее мы, чувствуя с каждой минутой, что к нам возвращается, хотя и не вполне, наша тяжесть, влекущая нас туда, в обратную сторону, к лунной поверхности. И эта поверхность казалась нам теперь внизу, а не вверху...

Поливанов начал рассуждать, что „мы вошли в сферу лунного притяжения“, что то, что было „верхом“, теперь стало „низом“, что мы и на Земле каждую ночь повертывались вместе со всеми окружающими нас предметами почти вверх ногами относительно нашего положения днем, благодаря вращению земно-

го шара. Но, увы! Людмила отвечала, что она все это хорошо понимает теоретически, но на практике еще никак не может привыкнуть к мысли, что „наш низ“ есть „верх“ для кого-нибудь другого.

А между тем лунный диск все более и более увеличивался на наших глазах от приближения к нему нас и занял теперь почти пятую часть небесной сферы. Ярко обрисовались под нашими ногами его холмистые равнины, все испещренные легкими круглыми или эллиптическими впадинами всевозможных величин как песчаное побережье от недавно упавших на него дождевых капель. Только что это были за капли! Двадцать шесть из них превышали 100 километров в диаметре!

— Вот они, знаменитые лунные цирки! — сказал Янович. — Наконец-то удастся узнать, как они произошли!

— Самое удивительное здесь то, — ответил Поливанов, — что они совершенно неизвестны ни на ближайшей подруге Луны — Земле, ни на остальных планетах, обладающих значительной атмосферой. Происхождение их

должно быть совершенно своеобразным.

— Их считали прежде за вулканы, — сказал Янович, — но это только потому, что старые астрономы не могли хорошо рассмотреть плоского устройства их дна. Фай приписывал их происхождение приливам и отливам жидкого ядра Луны, когда она только что покрылась корой. Из других астрономов — одни объясняли их деятельностью кораллов, располагавшихся большими кругами, как в земных морях, а другие, сознательной работой мыслящих существ, живущих на Луне. Но все эти предположения были лишь простой игрой фантазии, где остроумие заменяло действительное знание. И вот теперь мы на пути узнать все на самом месте!

Мы летели к той половине Луны, которая была в тени. Она росла с каждой минутой. Она как бы надвигалась на нас, как бы грозила разбить нас своим ударом. Становилось жутко от этой громады, растущей под нашими ногами. Невольно то один, то другой из нас старался посмотреть на показатель скорости полета, чтобы убедиться, что она не превышает ту, которую наши машины могут пре-

одолеть ранее падения на поверхность луны.

Вот Луна заняла почти всю половину окружающего нас небесного пространства. Дюнообразные сыпучие валы ее цирков, как будто выбитых ударами гигантских пестов в руках мировых титанов, отчетливо обрисовывались среди желтовато-зеленоватого плоскогорья, над которым низко склонялось солнце. Вот горизонт Луны совсем надвинулся на солнечный диск и нам, как на Земле, показалось, что солнце зашло... Один миг и мы очутились в длинном конусе лунной ночи, этом темном колпаке, вечно следующем за каждой планетой...

„Вверху, там, далеко“, над нашими головами и кругом, все небо было ярко освещено знакомыми созвездиями и широким серпом Земли, на котором виднелись Северная Америка и часть вечных снегов, прилегающего к ней полюса. „Внизу“ же на юге Луны поднимался прямо под нашими ногами цирк Тихо-Браге с широким, плоским дном и с полосами белой слегка сероватой пыли, лучеобразно разбросанной от окружающего его дюновидного вала по соседним возвышенно-

стям и долинам чуть не на восьмую долю поверхности Луны. Далеко от него, при переходе на северное полушарие луны, виднелся совершенно такой же цирк Коперника, от вала которого снеговидная пыль перекинулась лучистыми разбросами, как тонкое кружево через горный хребет лунных Аппенин на темноватую равнину близ северного полюса, называемую Морем Дождей. За ней направо, на лунном востоке, виднелись еще две большие котловины Кеплера и Аристарха, но уже с меньшими лучистыми отбросами такой же странной беловатой пыли...

И на западе Луны виднелись разбросы того же самого вещества кругом цирка Платона и около цирка Анаксагора у самого северного полюса Луны. Более мелкие лучи того же рода виднелись и в других местах Луны, но всякий раз кругом какого либо из меньших лунных цирков и с кучевидными остатками той же снеговидной пыли на их дне.

Вдали от нас, среди темной как чернозем и слабо-зеленоватой от земного света равнины, Моря Дождей, лежала уже лишенная только что описанных лучистых разбросов огромная

тарелкообразная впадина Архимеда, а за ней целый ряд таких же, но меньших углублений вплоть до цирка Аристотеля.

Все это быстро приближалось, увеличивалось в своих размерах, ближайšie горы за-слоняли более отдаленные. Мы миновали все эти цирки, валы которых показались нам горами легкой сероватой или ярко белой пыли и полетали к северу над равниной Моря Дождей по направлению к отдаленным плоским впадинам северных Лунных Цирков. Когда мы опустились над этой равниной на высоту не более сотни метров, нам показалось, что мы слышим странное жужжание за бортами корабля, подобное шуму слабого ветра.

— Атмосфера! — воскликнула Вера, — слышите, как тихо шумит она за бортом корабля!

Все прислушались. Действительно, казалось, не было сомнения, что мы летим среди редкой атмосферы, но из какого газа состоит она, этого невозможно было определить. Отсутствие солнечного света мешало произвести спектральный анализ, а иначе узнать состав было невозможно, так как впустить неизвестный газ в корабль, не зная его

свойств, было бы рискованно. По-видимому, это был очень тяжелый газ вроде угольного ангидрида. Мы ограничились тем, что набрали его посредством насоса, прикрепленного к внешней стене корабля и приводимого в движение гальваническим прибором, в особый гуттаперчевый мех, тоже находящийся снаружи, и отложили его химическое исследование до возвращения на Землю.

Когда мы, продолжая путь, приподнимались несколько выше, шум за стенами прекращался и снова слышался, когда мы понижали полет. По трудно определяемой высоте границы этого шума было очевидно, что осязаемая часть лунной атмосферы не достигала в этом месте даже и километра в толщину. Она лежала не только ниже горных цепей, идущих всюду по краям и середине лунного диска, и отдельно стоящих гор, достигающих на Луне гигантской высоты, но даже и на равнинах покрывала лишь наиболее низменные места, подобно морям на земной поверхности.

— Как странно! — воскликнул Янович, — эти места кажутся при наблюдении с Земли

настолько темнее остальных, что древние астрономы приняли их за океаны и моря и дали им соответствующие названия! И вот, оказывается, что они были правы! Значит это Море Теней, над которым мы летим, есть действительно море, но только не водяное, а газообразное. Океан Бурь, море Ясности, море Кризисов, море Плодородия, повсюду разбросанные по диску Луны и связанные между собою проливами — все это не пустые названия, как думали в последнее время!

Мы быстро направили свой полет к цирку Платона и остановились над его дном. Странную необъяснимую форму представляла с высоты его фигура при мягком отблеске сияния Земли: среди центральной неглубокой котловины в несколько десятков километров в окружности с совершенно ровным плоским дном, валялись кое-где пылеобразные груды. Невысокий эллиптический дюновидный вал окружал эту котловину, а вне его все пространство было засыпано каким-то веществом, совсем другого вида, чем окружающая сыпучая равнина, и среди нее опять-таки валялись огромные груды пыли. Вся поверх-

ность Луны на неведомую глубину казалось была обращена в легкую мелкую пыль попеременными действиями солнечного жара двухнедельного дня и ледящего холода двухнедельной ночи не умеряемыми воздушным покровом. Да, и сама пыль не склеивалась здесь никакой влагой...

Неподвижно вися в пространстве, мы долго любовались этой фантастической картиной лунной пустыни. Казалось, мы попали в пыльные области песчаной части Сахары, где малейшего дуновение ветра подняло бы облака мелкой пыли. Наконец мы спустились к самой поверхности вала Платона и пытались набрать с него рычагом нашего корабля несколько кучек его легкой сыпучей почвы.

Вдруг Вера и Людмила вскрикнули в испуге. Среди полутьмы лунной ночи вся окрестность озарилась красно-малиновым светом, ярким, как свет солнца. Большой огненный шар неся на нас, рассыпая за собою блестящие искры в редкой атмосфере Моря Теней. Казалось, не было никакой возможности миновать губительного удара.

— Метеорит! послышалось чье-то восклицание.

цание.

Да, это был действительно метеорит и притом один из тех, какие редко можно наблюдать. Такой большой я только раз видел в своей жизни, возвращаясь однажды ночью из нашего дома в деревне во флигель, где я обыкновенно спал. Но тот пронесся высоко над землю, лишь на минуту озарив своим волшебным светом всю видимую окрестность до самого горизонта, а этот летел прямо на нас, и слабая атмосфера Лунного моря была слишком редка, чтобы парализовать его удар.

— Неужели, мгновенно бросилось мне в голову, нам, пролетевшим все пространство до луны и ни разу не встретившим метеоритов, суждено погибнуть у самой цели нашего путешествия!

Но прежде чем я кончил свою мысль, страшное сотрясение рыхлой сыпучей почвы заставило подпрыгнуть наш корабль и свалило его на бок. Мы все попадали в разные стороны, и только слабость нашего тяготения к луне предоохранила нас от серьезных ушибов. Через несколько секунд я уже вскочил на ноги, и что за картина предстала перед моими

глазами!

Облака лунной пыли летели и падали кругом нас, грозя засыпать весь корабль. Значительная, хотя и не настолько, чтобы быть видимой с земли, тарелкообразная впадина появилась на склоне вала Платона в нескольких десятках саженей от нашего корабля, а куча метеорной пыли лежала в середине образовавшейся впадины. Я бросился к Людмиле и Вере, чтобы узнать, не ушиблись ли они при падении, но все обошлось благополучно. Только легкая бледность, да беспокойство взгляда выдавали их внутреннее волнение, когда они, поднявшись на ноги, приникли к окну, чтобы посмотреть на окружающее разрушение сквозь дымку все еще быстро падающей пыли.

— Смотрите, — раздался вдруг громкий голос Поливанова, — смотрите! Дверь корабля так втиснута в стены, что нам уже совершенно невозможно отворить ее.

— Нет ли где щелей, — бросилось мне в голову. Вот будет хорошо, если весь воздух вылетит из корабля и из возобновляющего его прибора, и мы останемся под давлением в од-

ну пятисотую долю атмосферы!

Я бросился к входной двери, но тотчас успокоился. Вдавленная внутрь, с изломанным запором, она тем сильнее прилегала к окружающей ее стене корабля. Где я не прикладывал свою руку к ее краям, нигде не чувствовал ни малейшего течения воздуха.

— Ну, пустяки, — сказал Янович, — вернемся на Землю, и нас освободят из этого нового заключения.

Поливанов начал пробовать действие машины, и корабль наш медленно поднялся в окружающем нас пыльном облаке.

Кругловатая неглубокая впадина, выбитая метеоритом, вся обнаружилась под нами. Она была, как две капли воды, похожа на один из маленьких „цирков“, всюду разбросанных на валах больших или между ними. Тоже плоское дно с несколькими грудками метеорной пыли, тоже кольцеобразное возвышение вокруг него от выбитой наружу и приподнятой, как вал, сыпучей рыхлой почвы, все было так же, как у остальных цирков, и если бы мы не были свидетелями почти мгновенного происхождения перед нами этой впадины, мы не

отличили бы ее от остальных.

Безмолвно стоя у окна и глядя на этот новый цирк, я забыл обо всем окружающем, и долго оставался в каком-то восторженном состоянии.

Значит, думал я, все эти цирки, возбуждавшие столько гипотез, не что иное, как следы ударов тысяч больших и маленьких комет и метеоритов, встречавшихся с луной впродолжение миллионов лет ее существования! Там, на Земле, куда конечно так же часто падали метеориты, их разрушительная сила парализовалась густою атмосферою, представляющею громадное сопротивление быстро движущимся телам. Там, на Земле, они падали вниз разбитыми на тысячи осколков, если были тверды, — сдержанными в своем полете, если были газообразны, и развеянными в воздухе, если состояли из облаков космической пыли. Да и падали они лишь в том случае, если ударяли по воздуху более или менее перпендикулярно. Если некоторые из них, а таких конечно большинство, летели очень косвенно, то они или их отдельные частички должны были рикошетировать по воздуху,

как пушечные ядра рикошетируют по воде, и улетать далее в пространство, оставив, лишь на мгновение, огненную полосу над землей, да взволновав прилегающий воздух. Там, на Земле, если они и были так громадны, и тверды, что, пролетев всю толщу атмосферы, выбивали глубокие провалы в почве, — эти провалы вскоре наполнялись водою, дожди размывали их бока, наполняя песком и глиной дно. Целебное действие вечного круговорота воды и воздуха залечивало нанесенную Земле рану, и через несколько десятилетий от нее оставался лишь незначительный шрам в виде небольшого озерка, лежащего особняком среди равнины. Да и не произошли ли действительно таким путем некоторые отдельные озера?

Мне страстно захотелось сейчас же лететь на Землю и исследовать дно кругловатых сибирских озер. Но множество прямых или слегка согнутых от неровностей почвы борозд, как бы царапин, лежащих повсюду в беспорядке на Луне, тотчас отвлекли мои мысли.

Значит, — подумал я, и эти до сих пор

необъясненные полосы должны происходить от метеоритов, косвенно ударявших по поверхности Луны, а потому рикошетирующих от нее и улетевших в пространство, или рассыпавшихся тут же на Луне, проводя борозду в ее пылеобразной почве. Я плотно припик лицом к окну нашего летучего корабля.

Безмолвно лежало передо мною безграничное сыпучие плоскогорье Луны, ярко освещенное зеленоватым серпом земли, над экватором которой, как на диске Юпитера, тянулось вечное кольцо облаков зимнего дождливого тропического сезона.

Мне стало грустно за Луну, которая представлялась теперь моим глазам, всюду израненной мировыми непогодами. Она напоминала мне древесный пень, лишенный коры, на котором неизгладимо остаются все удары топора, все шрамы, все случайные повреждения, нанесенные людьми и природой, в то время как окружающие этот ствол зеленые деревья, растут кругом него, борясь со всеми внешними влияниями, полные жизненных сил и здоровья, сами залечивая свои повреждения...

Не то же ли самая планета без атмосферы, что дерево без коры?

Какое громадное значение должна в таком случае иметь эта легкая оболочка планетной поверхности! Кто знает, не выделяет ли она на своем дне все остальное тело планеты, поглощая в себя вещества из мирового пространства, подобно надкостнице и другим пленкам животных органов, которые образуют под собою мускулы, кости и другие органы? Но если бы даже всего этого и не было, то, разнося повсюду водяные пары океана, атмосфера проводит по планете артериальную систему рек и ручейков, питает ими почву, исцеляя и зарощая ковром растительности все ее болезненные обнажения и повреждения...

Мы медленно неслись над лунной поверхностью по направлению к северному полюсу Луны.

Весь поглощенный своими мыслями я внимательно рассматривал всякий новый цирк, появлявшийся под ногами, и в каждом находил неожиданное подтверждение своей идеи²). Вот маленькая круглая пробоина, так называемый „колодезь“, почти совсем без ва-

ла, с лучеобразными разбросами вокруг. Она без сомнения пробита твердым и землистым метеоритом, ударившим вертикально. Вот другая, где метеорит налетел косвенно и высоко приподнял противоположный конец почвы, отбросив от него несколько огромных куч пыли. Вот слабое, едва заметное по глубине, тарелкообразное углубление несравненно большей величины, очевидно след небольшой пылеобразной кометы, рассыпавшейся затем на поверхности луны, не оставив после себя никаких других следов, кроме космической пыли. Вот другая, небольшая и глубокая котловина, посредине которой лежит и самая груда землистого метеора, так называемый „пик котловины“. Вот наконец и отверстие, совершенно похожее на жерло вулкана, где огромный твердый метеорит, летевший очевидно со страшной скоростью, глубоко пробил лунную почву и взорвавшись внутри от страшного сотрясения взбросил над собой всю окружающую местность. Я давно уже заметил, что неглубокие цирки были несравненно большей величины, чем глубокие пробоины и колодцы и теперь понял причины

этого. Ведь твердые метеориты, пробивающие значительные отверстия, происходят от сгущения газообразных или пылеобразных и потому очевидно должны быть несравненно менее последних по размерам.

Я сообщил свои мысли окружающим меня товарищам. Некоторые из них сейчас же принялись горячо спорить по этому поводу.

— Ведь многие из таких валов, — сказала Вера, достигают в своих наивысших пунктах более шести километров высоты. Какая страшная сила должна быть употреблена, чтобы произвести такие результаты!

— Но ведь и удар распространялся здесь на огромную площадь, — возражал я, — да и скорость полета метеоритов выходит за пределы всяких земных скоростей.

— Ты забыл, кроме того, — прибавил ставший на мою сторону Янович, что сила тяжести на Луне слишком в шесть раз слабее, чем на земном шаре, а потому и наивысшие из здешних гор, в шесть километров высоты, по работе их поднятия соответствуют лишь горам в один километр на нашей земле!

— Да и это не верно, — заметил Полива-

нов, — потому что плотность поверхностных слоев здесь почти вдвое менее чем у нас на земле. Значит, даже самые высокие валы цирков соответствуют, земным холмам высотой не более полкилометра, т. е. всего полумиллиметра на Земле! Совсем уж не так высоко!

Притом же, — прибавил я, ободренный этой защитой своей идеи, и почва этой стороны Луны благодаря вшестеро меньшей тяжести и отсутствию влаги не могла сложиться в такие крепкие породы, как у нас. Здесь вся она должна быть почти пылеобразной, благодаря растрескиванию от постоянных двухнедельных переходов от палящего жара солнечных лучей до леденящего ночного холода! А произошла она, несомненно, от наносов, когда на луне еще была какая-то атмосфера, если не водяная, то из кварца или чего-либо другого. Ведь низины здесь все темные, как чернозем, тогда как плоскогорья несравненно светлее!

Но, замечательно, что такие случаи внезапного образования новых лунных цирков, ни разу не наблюдались в телескопы, — заметила Вера.

— Как не наблюдались! — воскликнул Поливанов, задетый за живое, потому что дело шло об астрономии. Я не буду вам говорить о старых астрономах, которые не раз наблюдали новые пятна на Луне, причем появление этих пятен, иногда сопровождалось присутствием небольшого облачка вроде того, в котором мы сейчас были. Вот новые факты. В 1862 г. Шмидт открыл пятнадцать бороздок, и группу „колодцев“ близ цирка Аристотеля. Ни он, ни другие астрономы никогда не видали таких бороздок в этом месте. А в самые последние времена Клейн заметил у цирка Гигиуса новое кратерообразное возвышение.

— Но все эти утверждения сомнительны, так как старые рисунки Луны, как показывает их сравнение с современными фотографиями, не отличались, ни полнотой, ни точностью.

— Да вопрос этот и не требует исторических свидетельств, — возразил Поливанов. Вы все знаете, что каждый год Земля, а следовательно, и ее спутник Луна, проходят несколько раз сквозь области, в которых идет непрерывный дождь метеоритов, например,

3 ноября, 10 августа, 6 декабря и т. д. Если вы взглянете в эти ночи на небо, то всюду увидите, как мелкие метеориты падающими звездочками рикошетируют один за другим, по земной атмосфере, как камни по поверхности воды. Вообразите же, что должно быть здесь, на Луне, в это время! Тут каждый метеорит будет выбивать ямку, как дождевая капля на песке, или проводить борозду, если ударит косвенно! Ведь они летят со скоростью от 48 до 100 метров в секунду!

Да, - заметил Янович,- это должно быть настоящая бомбардировка луны. При такой скорости даже газовые метеориты должны оставлять следы своих ударов на пылеобразной вследствие полной сухости, лунной почве. Я не говорю уже о твердых метеоритах: тогда потоки лунной пыли будут лететь по всем направлениям.

Да и от мягких метеоритов не будет лучше, — заметил Поливанов, — я сам не раз пробивал из пистолета сальной свечей толстые, деревянные доски и свечка даже мало повреждалась. А ведь скорость ее не достигала и сотой доли скорости метеоритов. Какое страш-

ное сопротивление могут представить телу при его быстром движении жидкости и газы можно видеть из того, что если выстрелить из револьвера сверху пулей в стакан с водой, то пуля медленно ляжет на дно, не разбив стакан, а только расплескав часть его воды. Так и у нас на Земле с ее атмосферой. А без нее даже газообразные и пылеобразные метеориты произвели бы при ударе сильные впадины на всякой рыхлой почве.

Только газообразных метеоров, не может быть в междупланетном пространстве, — заметил Янович, вследствие склонности газов к рассеянию в пустоте.

— А, однако же, они есть! — воскликнул Поливанов. Я сам не раз видал по ночам огненные шары, падающие в верхние слои атмосферы, совершенно круглой и резко очерченной формы. Никакими другими, как газовыми, их нельзя представить. Приняв во внимание дальность их вспыхивания, они должны достигать сотен метров в диаметре, а между тем бесследно сгорают в воздухе. Жидкие и твердые непременно обсыпали бы всю окрестность дождем капель или осколков.

Сильно утомленный всеми новыми впечатлениями этого путешествия, я лег на одной из кушеток кают-компания и не заметил, как заснул. Мне снилось, что мы достигли уже цели своего путешествия, перелетели через высокие вершины гор, окаймляющих всю видимую с земли половину Луны, и спустились по другую их сторону. Зеленоватый серп Земли с его белым поясом экваториальных облаков, скрылся за лунным горизонтом, и только знакомые яркие звезды повсюду горели на черном, как уголь, фоне неба. Несколько времени мы летели в глубоком мраке. Но вот вдали, на восточной части лунного горизонта, мелькнула яркая полоска света, и восходящее солнце озарило спящую, никогда невиданную с Земли, равнину обратной половины Луны, покрытую белым снежным покровом. Легкие облака клубились в голубоватой дымке, а вдали синело на половину уже оттаявшее море.

Мне грезилось, что мы все вскрикнули от удивления и столпились у окон. А я... я едва не упал на колени от охватившего меня восторженного чувства.

— Так значит, правы некоторые астрономы, утверждавшие, что атмосфера, влага и жизнь Луны должны сосредоточиваться на противоположной от земли стороне, что ее полушарие, вечно обращенное к нам, приподнялось от тяготения к Земле в виде высокого плоскогорья уходящего за пределы лунной атмосферы! Значит Луна вовсе не такой „лишенный коры пень“ среди мировых светил, какой я счел ее, судя по одной видимой нами стороне.

— Как хороша вселенная! — воскликнула Людмила, сколько в ней скрытых жизненных сил, сколько чудной красоты!

Низко несся воздушный корабль над поверхностью Луны. Один за другим переходили передо мною ее разнообразные ландшафты. Вдали уже было полное лето. Луга сменялись лесами и рощами; речки и ручейки спускались каскадами по склонам холмов. Ослепительно яркое солнце было уже высоко над горизонтом, и длинная полоса света тянулась к нам от него по поверхности лунного моря, взволнованного легким, ветром. Пернатое население реяло в чистом воздухе двухнедель-

ного лунного дня, а внизу различные животные и человекообразные существа, но только маленькие, как куклы, двигались среди обработанных полей, лежавших квадратиками около крошечных деревушек и городков. Их здания, даже многоэтажные, не были выше и просторнее наших железнодорожных вагонов. И все остальное животное и растительное население было очень невелико по росту, и как будто говорило нам своей миниатюрностью, что органические существа по общим законам своего развития всегда находятся в одном и том же отношении к величине своей планеты. Роды и виды животных и растений были различны от земных, но типы их, казалось мне, были вполне сходные с нашими. Законы развития органического мира оказывались и здесь, как повсюду, одни и те же, как единообразны и формы и химический состав всех звезд и планет вселенной...

— Да, — сказала Людмила, — воображать небесные тела населенными странными, чуждыми для нас существами, это значит поступать так же неправильно, как поступали древние, воображавшие неведомые им зем-

ные страны населенными сатирами, циклопами, центаврами, или, еще хуже этого, считая их необитаемыми пустынями.

Наблюдая этот мир существ, так родственных земным, невольная мысль поразила меня.

— Да точно ли, — подумал я, — мы и они различного происхождения? Уж не зародились ли действительно (как думают некоторые), первоначальные молекулы органических существ нашего звездного неба одна от другой где-нибудь на центральном, невидимом для нас теле, вокруг которого обращаются все наши звезды и планеты? Не разносятся ли они в мировом эфире, как зародыш инфузорий в воздухе, для того, чтобы попасть в благоприятные условия на поверхности планет, развиваться на них по общим биологическим законам в роскошную флору в фауну?

Все мои спутники толпились у двери нашего корабля, чтобы постараться выйти из него на Луну, и близко познакомиться с ее населением. Но сотрясение от удара метеора на валу цирка Платона так сильно вдавило дверь в бока корабля, что не смотря на могу-

чие удары молотом, которые расточал ей Поливанов, не щадя своих крепких мускулов не поддавалась.

— Ну, ничего не поделаешь, сказал он угрюмо, опуская свой таран. Приходится возвращаться на Землю, чтобы нас расковали где-нибудь на механическом заводе.

И вдруг я проснулся... Вокруг меня все было по-прежнему в нашем воздушном корабле, и даже косые полосы солнечных лучей, ворвавшиеся через хрустальные окна, по-прежнему пронизывали наши каюты во всю длину... Но только к моему невыразимому изумлению я уже не лежал на кушетке, а снова плавал в воздухе, потеряв свою тяжесть, вместе, со всеми своими спутниками.

— Что это значит? воскликнул я. Где мы находимся?

— Между Луной и Землей, на возвратном пути, - печально отвечала Вера. От сильного нагревания солнечными лучами, между дверью и стеной корабля открылась щель и воздух начал выходить вон. Пришлось наскоро заделать повреждение и, не медля ни минуты повернуть на землю.

— Так мы и не видели другой стороны Луны, - прибавила Людмила.

Один только я видел ее, да я-то во сне!

С грустным чувством летели мы в обратный путь, провожая печальными взглядами убегающую от нас верную спутницу Земли с ее цирками, горами и равнинами. Все шло благополучно. Только при самом конце путешествия мы чуть не поломали себе членов от неожиданного толчка, потому что врезались почти на всем ходу в земную атмосферу, не рассчитав того, что она быстро движется от запада к востоку вследствие вращательного движения Земли. Это движение воздуха, не смотря на его редкость, в вышине, так быстро отбросало в сторону наш корабль, что мы все свалились с ног, но и теперь без всяких дурных последствий.

Корабль спускался как раз на том месте, где по поверхности земного шара быстро двигалась широкая мгlistая полоса сумерек, отделяющая освещенное полушарие земного дня от противоположного полушария, погруженного в длинный конус земной ночи, уходящий в небесном пространстве за орбиту лу-

НЫ.

Когда мы летели по освещенной части небесного пространства, нам не было видно этого конуса мрака, который носит за собой наша планета, как не было видно ни наполняющих его сонных грез людей, ни скрывающихся в нем фантастических духов и ночных видений детской эпохи человеческого рода. В чистой глубине межзвездного пространства, где нет никакой пыли, затененные и освещенные части не отделяются одни от других светлыми и темными полосами, как в нашей пыльной комнате; сквозь них также ярко светятся звезды, также блещут планеты, также проходят вечные волнения и течения мирового эфира, как и через другие области, озаренные солнечным светом. Совсем не то в нашей атмосфере с ее водяными парами, Здесь лучи рассеиваются всегда в большой или меньшей степени, и потому между светом дня и мраком появляется промежуточная *полоса сумерек*, где сияет заря... Лишь в тот момент, когда земной горизонт заслонил от нас не только последний остаток солнца, но и полосу зари, мы сразу почувствовали себя во

мраке и прохладе ночи, освещенной луной, да миллионами звезд.

— Как это странно, — задумчиво сказала Вера, — сейчас все было так светло и мы не замечали впереди никакого мрака. И вдруг очутились во тьме и уже совсем не можем вообразить, что ясный светлый день сияет над ночью там, высоко над нами и что полдневный свет никогда не потухает между нами и этими звездами.

Мы все молчали и мечтали, смотря на небо.

И мои мысли также улетели далеко в бездонное небесное пространство, туда, где за пределами нашей земной ночи сияет вечный день, где проносятся вереницы метеоров, где волны солнечного света и темноты вечно пересекаются между собой и сливаются с лучами миллионов звезд в одну чудную мировую музыку, наполняющую всю вселенную. Я улетел мечтою еще далее, за пределы этого вечного дня, туда, где, солнечный свет, постепенно слабея, сменялся новою областью тьмы, тьмы, подобной земной ночи, только невообразимо громадной и не освещенной бледным

сиянием нашей луны...

Но там, вдали, в глубине этой ночи, вокруг ближайшей к нам звезды, уже светилось ярким светом зарево нового вечного дня, а за ним, направо и налево, повсюду вокруг небесной сферы, мерцали все новые и новые сияющие точки: миллионы новых солнц с их планетами и спутниками, миллионы вечных дней с их блеском и теплотой, миллионы далеких островков вселенного океана, с каждого из которых доносилось до меня биение родной нам жизни и миллионы мыслящих существ ласково смотрели на нас и нашу Землю! Мне казалось, что они желали нам и всем нашим братьям по человечеству, скоро и счастливо пройти сквозь окружающий нас мрак к новой высшей жизни на Земле, к чудному чувству свободы, любви и братства и к сознанию своего единства с бесконечностью живых существ Вселенной.

Примечания

[^^^]

Из популярных очерков и рассказов по естествознанию, написанных для товарищей в Шлиссельбургской крепости.

[^^^]

Пока автор разрабатывал эту идею в Алексеевском равелине (1882 г.), без права иметь какие либо сношения с внешним миром, она была разработана и опубликована двумя германскими учеными Генрихом и Августом Тирш (Tirsch) в 1883 г. *Позднейшее прим.*

[^^^]